

ГЕРМАНИЯ АНАЛИЗИРУЕТ И ПРОГНОЗИРУЕТ...

АРКАДИЙ МОШЕС

ДИРЕКТОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ
ПО ВОСТОЧНОМУ СОСЕДСТВУ ЕС И ПО РОССИИ
ФИНСКОГО ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Без активного участия Германии у Европейского Союза не может быть эффективной политики на востоке Европы. Без поддержки Берлина у любых других коалиций игроков вряд ли хватит сил для того, чтобы ЕС в целом признал восточное направление однозначно приоритетным. Насколько современная Германия захочет и сможет взять на себя роль лидера, пожелает ли она вписывать собственные интересы и устремления в рамки общего подхода или предпочтет двустороннее взаимодействие со странами региона?

СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В течение достаточно долгого времени партнеры Германии по ЕС, в особенности из числа новых членов, громко и откровенно критиковали Берлин за действия если не в обход общих позиций Евросоюза, то, по меньшей мере, без оглядки

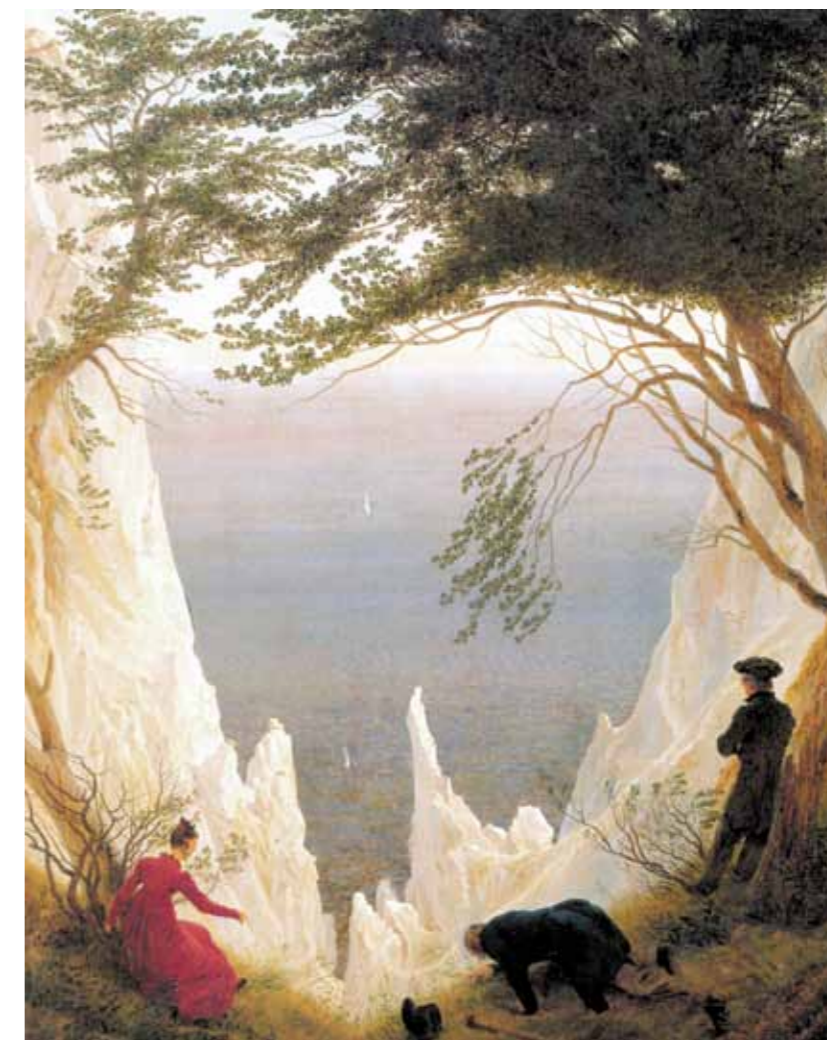
на них. С точки зрения критиков, Германия слишком концентрировалась на России в ущерб другим постсоветским государствам и ставила во главу угла экономические интересы своих компаний на российском рынке, вынося за скобки как проблемы российского внутривластного развития, так и конфликты между Москвой и ее соседями. За Германией закрепился стойкий имидж главного адвоката России на Западе, против чего германская дипломатия, как представляется, не возражала. В нашумевшем в свое время исследовании Европейского Совета по внешней политике – об «аудите силы» в отношениях между ЕС и Россией, разделившем Евросоюз на пять категорий, Германия (наряду с Францией, Италией и Испанией) была отнесена к группе «стратегических партнеров» России. На другом краю спектра оказались тогдашние «бойцы холодной войны». Посередине – более или менее дружественные «прагматики», в том числе из скандинавских стран.

Инерция восприятия вне Германии российско-германских отношений как особого партнерства, ради сохранения которого Берлин готов пожертвовать многим, оказалась достаточно сильной.

Но сегодня такая картина уже не до конца соответствует действительности. То есть, конечно же, по-прежнему нет никаких оснований ставить под сомнение ни обширные экономические интересы Германии в России, ни ставку на поиск точек соприкосновения по максимально большому кругу вопросов. Но многое и поменялось. Немецкие аналитики всё чаще говорят о стратегическом партнерстве как о цели, а не как о реальности. И, несмотря на массив двусторонних линий взаимодействия, сегодня германско-российская – и восточная в целом – политика оказывается в большей степени согласованной с подходами Брюсселя, чем когда-либо раньше. Это не обязательно лидерство, но это и не обструкция. Всё чаще это игра в команде.

Можно выделить три момента, имеющих ключевое значение для политики ЕС в регионе, где ситуация за последние несколько лет поменялась в корне. Очевидно, без сознательного политического выбора Берлина этого попросту не произошло бы.

Во-первых, реформа европейского энергетического рынка. Принцип солидарности в энергетических вопросах стал частью Лиссабонского договора. Нет нужды объяснять, что продвижение к общему рынку энергии внутри ЕС будет оказывать существенное влияние на отношения германских покупателей газа с российскими поставщиками и размывать их особый характер, одновременно снижая удельный вес российского фактора в германской системе принятия решений. Повторим, что этот выбор, выбор в пользу скоординированных действий, уже сделан. И, возможно, не случайно пост комиссара ЕС

по энергетике в нынешнем составе Еврокомиссии занимает ни кто иной, как представитель Германии Гюнтер Эттингер, принципиальный противник монополизма и сепаратных сделок.

Во-вторых, произошло фактическое отделение российской политики ЕС от политики по отношению к другим странам восточной периферии Евросоюза. В данном случае речь идет не столько о формальной реализации скорее стагнирующей инициативы ЕС по Восточному партнерству, хотя личное присутствие канцлера ФРГ Ангелы Меркель на инаугурационном саммите программы в Праге в мае 2009 года было важнейшим сигналом со стороны Берлина, сколько о вещах существенных. Все страны-участницы инициативы, за исключением Белоруссии, ведут с ЕС переговоры с целью заключения соглашений о свободной торговле и об ассоциации. В случае Украины эти документы гото-

вы к подписанию, и лишь внутривластные проблемы не позволили этого сделать до сих пор. Молдавия может рассчитывать на завершение переговоров в 2013 году; кроме того, эта страна сегодня наиболее продвинулась на пути визовой либерализации с ЕС. Россия же, как известно, пошла по пути создания Таможенного союза с Беларусией и Казахстаном, и пока ни о какой свободной торговле с ЕС не задумывается. С точки зрения «классического» германского подхода, предоставление другим странам-соседям такого торгового и иных статусов, которые недоступны России, считалось бы неприемлемым. И, тем не менее, это происходит. Более того, визит Меркель в Кишинев в августе 2012 года и её слова о «европейской перспективе» для Молдавии говорят о том, что Берлин сегодня не меньше, чем Брюссель, стремится к созданию «истории успеха» там, где это возможно, и что немецкая дипломатия начинает руководствоваться недавно принятой ЕС на вооружение формулой сотрудничества «больше за большее». Немецкий бизнес, в свою очередь, видит однозначный интерес в распространении норм и правил, действующих в ЕС, на ближайших соседей.

В-третьих, Германия и Польша более не являются непримиримыми оппонентами в дискуссии о восточной политике. Наоборот, в обиход вошли совместные публичные выступления министров иностранных дел Гвидо Вестервелле и Радослава Сикорского, и впору говорить о формировании постоянной связки. Не секрет, что Берлин всячески поддерживает нормализацию российско-польских отношений и не скрывает заинтересованности в развитии трехстороннего диалога. С другой стороны, столь же очевидно, что активизация контактов между Берлином и Варшавой не могла не привести к лучшему пониманию и частичному принятию Германией польских позиций, в первую очередь касательно линии поведения в Белоруссии и на Украине.

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Внутри Германии также произошли изменения, заставляющие задуматься. Исключительно позитивное, восторженное восприятие России уступило место совсем другим оценкам. Собственно, в этом, возможно, и кроется главная причина отмеченных политических сдвигов, определенной эрозии «москвациентризма».

В последнее время немецкие исследователи опубликовали целый ряд работ, в которых в отношении процессов, идущих в российско-германских отношениях, выносятся довольно тревожный вердикт. Так, один из наиболее опытных немецких специалистов по России Ханнес Адомайт, долгие годы проработавший в берлинском Фонде науки и политики, в аналитической работе «Германско-российские отношения: итоги с 2000 года и перспектива до 2025 года», опубликованной летом текущего года, констатирует: «С 2000 года германо-российские отношения перешли от близости и сердечности к краху иллюзий и разочарованию – и это положение дел, скорее всего, сохранится». Другой аналитик, Штефан Майстер из Германского Совета по внешней политике, в исследовании под названием «Отчуждение в партнерстве» отмечает, что Россия теряет своего наиболее важного адвоката в ЕС и что приоритетность российского направления в германской практической политике снижается.

Эти и другие подобные заключения основаны на целом ряде аргументов.

Прежде всего, на анализе общественного мнения. В отличие от картинки, создаваемой на уровне официальной дипломатии, отношение рядовых немцев к современной России является достаточно критическим. Например, согласно ежегодно проводимым Всемирной службой Би-би-си опросам о восприятии влияния разных стран в мире, немцы воспринимают роль России весьма негативно – намного хуже, чем средний показатель в мире в целом и, наряду с французами, практически наиболее радикально среди представленных членов ЕС. В опросе 2012 года соотношение негативных и позитивных оценок составляло 54 к 18 процентам. Причем показатели эти довольно стабильны.

В экспертном сообществе, каковое, собственно, и формирует общественное мнение, складывается отрицательный консенсус. Адомайт в связи с этим пишет: «Подавляющее большинство германских академических специалистов по России, московских корреспондентов ведущих немецких газет и телеканалов, глав немецких политических фондов, работающих в России, российского отдела внешнеполитического ведомства и тех (немногих) членов парламента, которые обладают знаниями о России и Восточной Европе, придерживается негативного взгляда на направление, выбранное страной при Путине».

Понятно, что этой группой не исчерпывается вся полнота мнений и иные точки зрения также звучат, но поскольку за ними, как правило, стоят бизнес-интересы, то они направлены не на развитие дискуссии о России как таковой, а на лоббирование определенной линии в поведении власти. В этом качестве высказываемая аргументация может иметь успех, но очевидно и то, что борьба за общественное мнение ею в целом проиграна.

Официальная линия в отношении России по понятным причинам не столь зависима от предпочтений немецкого электората, и в этом смысле вряд ли стоит ожидать изменений в подходах в угоду общественным настроениям. Тем не менее, и здесь заметна определенная эволюция.

Эксперты обратили внимание и на то, что коалиционное соглашение между христианами-демократами и свободными демократами, сформированными правительством, в отличие от аналогичного документа предыдущей коалиции между ХДС и социал-демократами, не включило в себя отдельный раздел о российской политике. В нём также ничего не говорится о «стратегическом партнерстве», и вместо этого России придан менее высокий статус «важного партнера в преодолении региональных и глобальных вызовов». Эта терминологическая разница говорит сама за себя, и она не удивительна. С уходом из правительства социал-демократов и лично министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера, ставшего в своё время одним из идеологов и архитекторов сближения Берлина и Москвы при канцлере Герхарде Шрёдере, и приходом на его место представителя либералов Гвидо Вестервелле такой исход событий был скорее логичен. Выборы в Бундестаг в 2013 году

представляют в этом контексте определенный интерес в плане подтверждения или слома тенденции, однако в случае сохранения поста канцлера за христианами-демократами желание и способность их младшего партнера добиться пересмотра подхода выглядят достаточно сомнительно.

Нынешний кабинет Ангелы Меркель поменял позицию и по ключевому вопросу двусторонних отношений – энергетическому, причем в данном случае это вряд ли могло произойти без консультаций с бизнесом. Раньше в Германии, получающей около трети потребляемой нефти и примерно 40 процентов газа из России, считалось аксиомой, что увеличению российских энергопоставок нет альтер-

нативы. На этом во многом основывалась заинтересованность участвовать в строительстве нового трубопровода «Северный поток», на определенном этапе приведшая к трениям с той же Польшей. Москва, в свою очередь, рассчитывала на дальнейший рост экспорта в связи с принятым в Германии планом постепенного отказа от ядерной энергетики. Однако в июле 2011 года, на межправительственных консультациях в Ганновере, Меркель однозначно заявила, что вопрос о наращивании импорта российского газа не стоит и вместо этого Германия сконцентрируется на возобновляемых источниках энергии.

ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ

Анализ причин отмеченного выше разочарования немецкого политикоформирующего сообщества сводится к одному: потенциал сотрудничества, на который возлагалось столько надежд, в полной мере не реализовался как на двусторонней

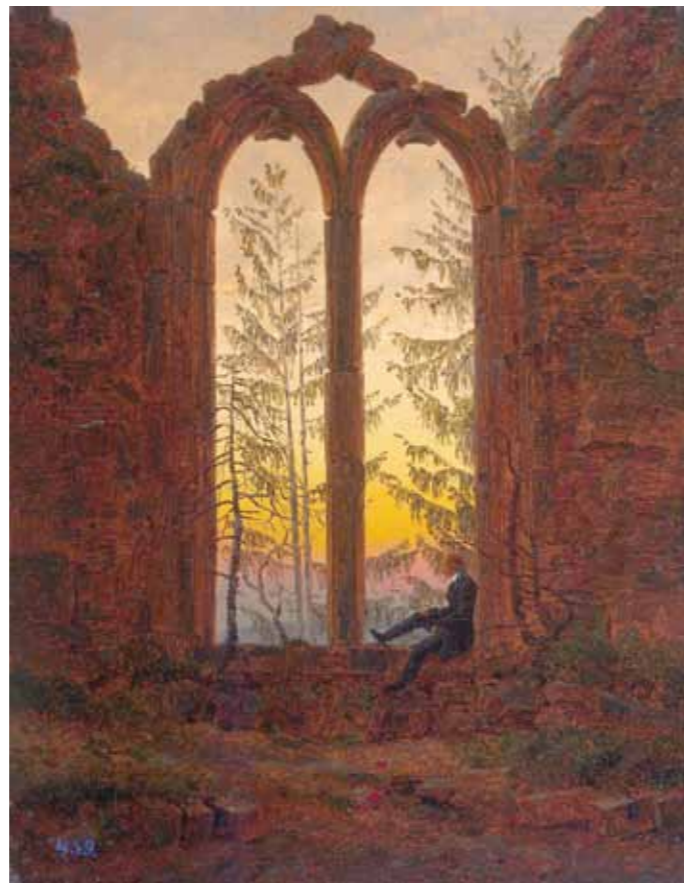

основе, так и между Россией и Западом в целом. И Германию, чьи ожидания зачастую превосходили ожидания других стран, стремившуюся выступать как застрельщик новых проектов, понимание этого обстоятельства приводит в чем-то к более болезненным реакциям, чем страны, изначально настроенные скептически.

Сожаление распространилось на ключевые сферы. Начать стоит с области безопасности в широком понимании этого термина. В Германии давно сложился консенсус, который и сегодня не ставится под сомнение, что ключом к европейской безопасности является не просто сотрудничество, но интеграция России с Европой в рамках единой системы. С точки зрения немецкого подхода, инициатива пригласить Россию к вступлению в Североатлантический альянс, выдвинутая в начале 2010 года такими авторитетами, как бывший министр обороны ФРГ Фолькер Рюэ и бывший генеральный инспектор Бундесвера и председатель военного комитета НАТО генерал Клаус Науманн, совсем не выглядела чем-

то наивным и, тем более, провокационным. И наоборот, проблемы вызывают ярко выраженное неприятие Москвой той роли, которую НАТО играет в сегодняшней Европе, выход России из Договора об обычных вооруженных силах в Европе, отсутствие прогресса в продвижении к общему пространству внешней безопасности, о создании которого Россия и ЕС договорилась в 2003 году, и расхождение позиций по все большему кругу вопросов – от ушедшего на задний план Косово до кризиса в Сирии.

Особую чувствительность имеют взаимоотношения в регионе общего соседства. Германия, и в этом вопросе Брюссель с Берлином полностью солидарен, хотела бы избежать геополитического соперничества в регионе и игры с нулевой суммой. На саммите НАТО в Бухаресте в 2008 году, как считается, позиция Германии и некоторых других европейских стран легла в основу решения не предоставлять Грузии и Украине плана действий по получению членства в альянсе, неприемлемого для Москвы. В свою очередь, Берлин хотел бы наладить сотрудничество с Россией в разрешении за-

Иллюстрации: Каспар Давид Фридрих (1774–1840)

мороженных конфликтов и, в случае Белоруссии, продвижения экономических реформ и определенной политической либерализации в стране.

Основные надежды на успех связаны с ситуацией в Приднестровье. В июне 2010 года, в замке Мезеберг недалеко от германской столицы, лидеры двух государств подписали меморандум, в котором расчет на помощь Москвы в разрешении приднестровского конфликта прямо связывался с созданием совместного комитета ЕС и России по политическим вопросам и вопросам безопасности. Москва заинтересована в создании этого форума для уравнивания влияния НАТО и США на обсуждение вопросов собственно европейской безопасности. Мандата на выдачу подобных обещаний от лица Брюсселя у Меркель, как считается, не было, поэтому со стороны канцлера это был смелый политический шаг. Однако дальнейшие события показали, что к уступкам по приднестровскому вопросу Россия была не готова.

Скепсис нарастает и применительно к экономическому сотрудничеству. Дело в том, что

хотя Россия экономически важна для Германии, в общем контексте её значение относительно. И по экспорту, и по импорту Россия находится в начале второй десятки торговых партнеров Германии с общим оборотом, сопоставимым с показателями Чехии и Польши. Поэтому интерес к России традиционно поддерживали не столько энергетические проекты (к слову, продажа концерном E.ON в 2010 году акций «Газпрома» была определенным сигналом в этом смысле), сколько перспектива роста российского рынка и улучшения инвестиционного климата. Германия крайне положительно отнеслась к объявленной Россией программе модернизации, понимая под этим не простое заимствование технологий, но общую реформу российского правового и даже политического поля. Однако и российско-германское, и другие подписанные Россией со странами ЕС соглашения о «партнерстве ради модернизации» так и остались декларациями. С возвращением на президентский пост Владимира Путина и углублением мирового экономического кризиса в вероятность реализации модернизационного сценария в России в Евросоюзе верят всё меньше. Сюзан Стюарт из того же Фонда науки и политики пишет в статье «Ослабевшая Россия»: «В среднесрочной пер-

Наконец, немецкие политики, да и немецкое общество в целом, не могут находиться вне общезападного дискурса по России, не могут игнорировать нелицеприятные оценки в её адрес в других странах и общую усталость от того, что Россия и ЕС не создали той самой «большой Европы», о которой много говорили два десятилетия назад.

ДВЕ ГЕРМАНИИ

Данный материал сфокусирован на изменениях. В реальности новые тенденции, критическое отношение к российской действительности, сосуществуют со старыми подходами, с традиционной идеологией перемен через взаимодействие. Носители этих взглядов не очень стремятся выработать общую линию, но в официальной политике она начинает прослеживаться. Практическое сотрудничество Германии с Россией продолжится, но ни иллюзий, ни хвалебных отзывов в адрес Москвы, как представляется, уже нет и больше не будет...

Впрочем, каким будет окончательный выбор, всё еще не ясно. С одной стороны, прагматики-«минималисты» призывают видеть в России страну, с которой во имя экономического сотрудничества следует поддерживать ровные, но

В сфере образования, науки, гражданского общества мы собираемся продолжать и усиливать контакты. Германия не только хочет, но и с радостью стремится к тому, чтобы развивать отношения с Россией в этом широком спектре, чтобы были возможности открыто говорить обо всех вопросах и темах в духе стратегического партнерства, в духе того, что у нас есть общие интересы. Конечно же, и разные интересы тоже могут быть.

А.Меркель

Из выступлений на российско-германских межгосударственных консультациях 16 ноября 2012 года

Несомненным ресурсом двустороннего сотрудничества остаются межрегиональные связи. В общих интересах – чтобы энергичнее развивались контакты между гражданами наших стран, расширялись туристические, культурные, образовательные обмены. [...] Уверен, что стратегическое партнерство между ФРГ и Российской Федерацией будет развиваться на благо народов наших стран.

В.Путин

спективе невозможно будет не учитывать неспособность российской элиты модернизировать (страну. – А.М.)».

Есть претензии по поводу качества общественного диалога, который, с точки зрения немцев, по настоянию российской стороны ведется через официальных лиц и представителей крупного бизнеса и не отражает должным образом взгляды гражданского общества.

не особенно близкие отношения, ограничиваясь покупкой энергоносителей и продажей машин и не особо интересуясь внутренней ситуацией. С другой стороны, эта формула мало чем отличалась бы от отношения к арабским или африканским энергоэкспортерам.

Трудно поверить в то, что, столько вложив в развитие особого партнерства с Россией, Германия смирилась со столь невпечатляющим результатом.